

Посвящается Эндрю Хэйсу
(и радиостанции «The Cheese»)

Первый день нам дает и последний наш день.

Сенека «Эдип»

ПРОЛОГ

Смерть всегда посещала меня в августе. Медленный и изысканный месяц мы превратили в нечто стремительное и жестокое. Это была перемена, быстрая, как карточный фокус.

Я должна была это предвидеть. То, как будет лежать на полу библиотеки тело, то, как будут разрыты сады в поисках улики. Я должна была заметить, как наша зависть, жадность и амбиции ждут, чтобы сожрать нас всех, подобно змее, пожирающей собственный хвост. *Уроборос*. И хотя мне теперь известны темные истины, которые мы скрывали друг от друга тем летом, какая-то часть меня все еще тоскует по Клойстерсу и по тому человеку, которым я была тогда.

Когда-то мне казалось, что все могло пойти по-другому. Что я могла бы отвергнуть или работу, или Лео. Что я могла бы так и не поехать на Лонг-Лейк тем летним вечером. Даже коронер мог бы отказаться от вскрытия. Но у меня никогда не было подобного выбора. Теперь я это знаю.

В последнее время я много думаю об удаче. Удача. *Luck*. Возможно, от средневерхненемецкого *glück*, означающего везение или счастливый случай. Данте называл Фортуну *ministra di Dio*, служительницей Бога. На самом деле Фортуна — просто старомодное слово, обозначающее

судьбу. Древние греки и римляне всё делали в угоду судьбе. Они строили храмы в ее честь и связывали свою жизнь с ее капризами. Они обращались к сивиллам и пророкам. Они рассматривали внутренности животных и изучали предзнаменования. Даже Юлий Цезарь, как говорят, перешел Рубикон только после того, как бросил пару игральные костей. «*Iacta alea est*» — жребий брошен. От этого броска зависела вся дальнейшая судьба Римской империи. По крайней мере, Цезарю в тот раз повезло.

Что если вся наша жизнь — то, как мы живем и умираем, — уже определена за нас? Хотели бы вы знать исход, если бы бросок костей или расклад карт мог подсказать его вам? Может ли жизнь быть настолько прозрачной, настолько тревожной? Что если все мы просто Цезари? Ждем удачного броска, отказываясь видеть, что ждет нас в мартовские иды¹...

Поначалу было легко пропустить предзнаменования, которые преследовали Клойстерс тем летом. Сады, всегда изобилующие полевыми цветами и травами, терракотовые горшки с лавандой, яблоня сорта «Криппс Пинк», цветущая сладким белым цветом. Из-за жары наша кожа постоянно была влажной и покрасневшей. Неизбежное будущее, которое нашло нас — не мы нашли его. Неудачный бросок. Я могла бы это предвидеть, если б только, подобно грекам и римлянам, знала, что искать.

---

¹ В наши дни мартовские иды наиболее известны как дата, в которую в 44 году до нашей эры был убит Юлий Цезарь.

ГЛАВА 1

Я прибыла в Нью-Йорк в начале июня: в тот самый период, когда жара нарастала, накапливаясь в асфальте, отражаясь от стекол, — пока не достигала пика, который не спадал до самого сентября. Я направлялась на восток, в отличие от многих других выпускников моего класса в Уитман-колледже, которые ехали на запад, в Сиэтл и Сан-Франциско, иногда в Гонконг.

Правда заключалась в том, что я ехала на восток отнюдь не в то место, на которое рассчитывала изначально, — например, не в Кембридж или в Нью-Хейвен, или хотя бы в Уильямстаун. Но когда пришли электронные письма от заведующих кафедрами, в которых повторялись такие фразы, как «мы очень сожалеем... конкурсный отбор кандидатов... желаем удачи в будущих начинаниях...», — я была благодарна за то, что хоть одна заявка принесла положительный результат: летняя партнерская программа в Музее искусств Метрополитен. Я знала, что это было одолжение моему почетному научному руководителю, Ричарду Линграфу, который когда-то был одним из светил Лиги плюща¹, пока непогода на Восточном побережье —

---

¹ Лига плюща — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных на северо-востоке США; самые престижные учебные заведения страны.

или сомнительные события в его альма-матер? — не заставили его уехать на запад.

Они называли эту программу «партнерской», но на самом деле это была стажировка с мизерной стипендией. Для меня это не имело значения; я бы работала на двух работах и заплатила бы им за то, чтобы оказаться там. В конце концов, это был музей Метрополитен! Это была та престижная практика, в которой нуждались такие, как я — выходцы из неизвестной школы.

Впрочем, Уитман-колледж был не таким уж неизвестным. Но поскольку я выросла в Уолла-Уолла, пыльном одноэтажном городке на юго-востоке Вашингтона, где находился Уитман-колледж, мне практически не попадались жители других штатов, знавшие о его существовании. Все мое детство прошло в этом колледже, и постепенно его волшебство рассеялось. Если другие студенты приезжали в кампус с радостью, чтобы вступить во взрослую жизнь, то я не имела возможности начать все с чистого листа. Это было связано с тем, что оба моих родителя работали в Уитман-колледже. Моя мама — в столовой, где она составляла меню и планировала тематические вечера для студентов первого курса, обитавших в общежитиях: баскский вечер, эфиопский, асадо¹... Если б я проживала в кампусе, она могла бы планировать и мое питание, но финансовая льгота, которую Уитман-колледж предоставлял сотрудникам, распространялась только на оплату обучения, поэтому я жила дома.

Мой отец, однако, был лингвистом — хотя и не числился на кафедре. Самоучка, бравший книги из библиотеки Пенроуз в Уитман-колледже, он научил меня раз-

---

¹ Асадо — блюдо из жареного мяса, распространенное в Аргентине, Боливии, Чили, Колумбии, Эквадоре, Парагвае, Перу, Уругвае и Венесуэле.

личать шесть латинских падежей и разбирать сельские итальянские диалекты, и все это в перерывах между своими рабочими сменами в колледже. То есть до того, как летом перед моим выпускным классом он попал под машину и был похоронен рядом с моими бабушкой и дедушкой, за лютеранской церковью на окраине города. Отец так и не рассказал мне, откуда у него любовь к языкам, — только говорил, как он благодарен за то, что я разделяю ее.

— Твой отец гордился бы тобой, Энн, — сказала Пола.

Это был конец моей смены в кафе, где я работала: Пола, хозяйка кафе, наняла меня почти десять лет назад, когда мне было пятнадцать. Помещение было длинным и узким, с потемневшим жестяным потолком, и мы оставили входную дверь открытой, надеясь, что свежий воздух прогонит задержавшиеся запахи ужина. Время от времени по широкой улице снаружи проползала машина, ее фары рассекали темноту.

— Спасибо, Пола.

Я отсчитывала чаевые на стойке, изо всех сил стараясь не обращать внимания на красные рубцы, образовавшиеся на предплечье. Обеденная суэта — более бурная, чем обычно, из-за выпускного в Уитман-колледже — заставила меня ставить тарелки, горячие от саламандры¹, прямо на руку. Путь из кухни в столовую был достаточно долгим, а керамика обжигала руку при каждой ходке.

— Знаешь, ты всегда можешь вернуться, — сказал бармен Джон, отпустил ручку крана и передал мне пивной стакан. Нам разрешалось выпить только одну порцию пива за смену, но это правило соблюдалось редко.

---

¹ Саламандра — кухонный прибор, нагревательные элементы в котором размещены сверху, а тепло распространяется сверху вниз.

Я разгладила последнюю долларовую купюру и сложила деньги в задний карман.

— Знаю.

Но я не хотела возвращаться. Призрак моего отца, так необъяснимо и внезапно погибшего, словно витал над тротуарами в кварталах, обрамлявших центр города, даже над побуревшим пятачком травы перед кафе. Те способы спасения, на которые я полагалась — книги и исследования, — больше не позволяли мне уйти от этого ощущения достаточно далеко.

— Даже если осенью нам не понадобится персонал, — продолжал Джон, — мы всё равно возьмем тебя на работу.

Я пыталась подавить панику, которую испытывала от перспективы вернуться в Уолла-Уолла осенью, и тут услышала позади себя слова Пола:

— Мы закрыты.

Я оглянулась через плечо на входную дверь, где собралась толпа девушек; одни читали меню в тамбуре, другие протискивались в раздвижную дверь, отчего табличка «Закрыто» шлепнулась о дерево.

— Но вы всё еще подаете, — заявила одна из них, указывая на мое пиво.

— Извините. Закрыто, — подтвердил Джон.

— Да ладно, — фыркнула другая девица. Их лица порозовели от теплого алкогольного румянца, но я уже представляла, чем закончится эта ночь: черными пятнами под глазами и синяками на ногах — тут и там. За четыре года в Уитман-колледже у меня никогда не было такой ночи — только кружки пива и обожженные предплечья.

Пола остановила их, раскинув руки в стороны, и вытолкнула обратно за дверь, а я снова переключила внимание на Джона.

— Ты их знаешь? — спросил он, небрежно вытирая деревянную стойку.

Я покачала головой. В колледже было трудно завести друзей, если ты единственный студент, не живущий в общежитии. Уитман-колледж в этом отношении отличался от государственных школ, где такие вещи были обычным делом. Это был маленький гуманитарный колледж; маленький, дорогой гуманитарный колледж, где все жили в кампусе или, по крайней мере, начинали в нем свой первый учебный год.

— В город стекается народ. Ты ждешь выпускного?

Джон посмотрел на меня выжидающе, но я в ответ лишь пожала плечами. Я не хотела говорить ни об Уитман-колледже, ни о выпускном. Просто хотела забрать свои деньги домой и надежно спрятать их вместе с другими накопленными чаевыми. Весь год я работала пять вечеров в неделю, даже брала дневные смены, когда позволял график. Если я не была в библиотеке, то находилась на работе. Я знала, что переутомление не поможет мне избавиться от воспоминаний об отце или отрицательных ответах на запросы, но оно притупляло остроту реальности.

Мама никогда ничего не говорила о моем графике или о том, что я прихожу домой только спать, но она была слишком занята своим собственным горем и своими собственными разочарованиями, чтобы обсуждать мои.

— Вторник — мой последний рабочий день, — сказала я, отстранившись от барной стойки и осушив то немногое, что осталось в моем стакане, после чего перегнулась через стойку и поставила его на полку для посуды. — Осталось всего две смены.

Пола подошла ко мне сзади и обвила руками мою талию, и, как бы мне ни хотелось, чтобы скорее наступил

вторник, я позволила себе прижаться к ней, прислонив голову к ее плечу.

— Ты ведь знаешь, что он никуда не ушел, верно? Он может видеть, как ты живешь.

Я не верила ей; я не верила никому, кто говорил мне, что существует некая магия или логика, — но все равно заставила себя кивнуть. Я уже поняла, что никто не хочет слышать о том, что такое потеря на самом деле.

* * *

Через два дня я надела голубую полиэстеровую мантию и получила свой диплом. Моя мама присутствовала там, чтобы сфотографировать церемонию и посетить вечеринку кафедры истории искусств, которая проходила на мокрой лужайке перед полуготическим Мемориальным зданием, самым старым в кампусе Уитман-колледжа. Я всегда остро ощущала, насколько молодым было это здание, построенное в 1899 году, по сравнению со зданиями в Гарварде или Йеле. Методистская церковь в Клакато, скромное строение, возведенное в 1857 году и обшитое деревянными планками, была самым старым зданием, которое я когда-либо видела лично. Возможно, именно поэтому меня так притягивало прошлое — в юности оно было от меня слишком далеко. Восточный Вашингтон представлял собой в основном пшеничные поля и зернохранилища, серебряные силосные башни, которые никогда не демонстрировали свой возраст.

На самом деле за четыре года учебы в Уитман-колледже я была единственной студенткой факультета Раннего Возрождения. Удалившись на безопасное расстояние от деяний таких знаменитых художников, как Микеланджело и Леонардо, я предпочитала изучать второстепенных

деятелей и забытых творцов, носивших такие имена, как Бембо или Косса, прозвища вроде «Грязный Том» или «Косоглазый». Я изучала герцогства и дворы, но не империи. Дворы, в конце концов, были восхитительно ограниченными и увлекались самыми необычными вещами — астрологией, амулетами, шифрами: вещами, в которые я сама не могла поверить. Но мое увлечение ими также означало, что я часто проводила время одна: в библиотеке или на самостоятельных занятиях с профессором Линграфом, который опаздывал на наши встречи как минимум на двадцать минут, если вообще вспоминал о них.

Несмотря на непрактичность всего этого, затерянные грани эпохи Возрождения привлекали меня своей позолотой и пышностью, верой в магию, представлениями о власти. То, что в моем собственном мире не было всего этого, облегчало выбор. Однако когда я начала думать об аспирантуре, меня предупредили, что моя работа заинтересует очень немногие факультеты. Она была слишком периферийной, слишком маленькой, недостаточно амбициозной и широкой. Уитман-колледж призывал своих учеников пересмотреть предметную сетку, заняться эко-критицизмом, исследовать мультисенсорность человеческого восприятия. Временами я задавалась вопросом, а не выбрали ли меня те вещи, которые я изучала — никому не нужные предметы, — лишь потому, что я была бессильна отказаться от них.

Стоя в тени, моя мама двигала руками по кругу; ее серебряные браслеты звенели, когда она разговаривала с кем-то из других родителей. Я оглядела собравшихся в поисках белых волос Линграфа, но было ясно, что он не пришел на вечеринку.

Хотя мы проработали вместе изрядную часть этих четырех лет, он редко появлялся на факультетских меро-

приятнях и почти не рассказывал о своих исследованиях. Никто не знал, над чем он трудится сейчас и когда наконец перестанет появляться в кампусе. В некотором смысле работа с Линграфом считалась обузой. Когда другие студенты и даже преподаватели узнавали, что он консультирует меня, они часто спрашивали, уверена ли я, что это правильно: он крайне редко брал студентов. Но это было именно так. Линграф подписал мою дипломную работу, бланки о прохождении специализации, рекомендательные письма — всё. И это несмотря на то, что он отказывался быть частью сообщества Уитман-колледжа, предпочитая вместо этого работать в своем кабинете. Он неизменно закрывал дверь, чтобы никто не отвлекал его, и всегда убирал свои бумаги в ящик, когда кто-нибудь приходил.

Когда я закончила осмотр праздничной толпы, ко мне подошел Мика Яллсен, сокурсник-выпускник.

— Энн, — сказал он, — я слышал, что этим летом ты собираешься быть в Нью-Йорке.

Мика вырос, деля свое время между Куала-Лумпуром, Гонолулу и Сиэтлом. Такой изнурительный график путешествий требовал личного самолета или как минимум жилья первого класса.

— Где ты будешь жить?

— Я нашла квартиру в Морнингсайд-Хайте.

Он взял кубик чеддера с бумажной тарелки. Уитман-колледж никогда не тратил деньги на кейтеринг, и я была уверена, что подносы с закусками готовил отдел моей матери.

— Это только на три месяца, — добавила я.

— А после? — поинтересовался Мика, жуя.

— Пока не знаю, — ответила я.

— Я бы хотел взять свободный год, — сказал он, задумчиво перекидывая зубочистку во рту.

Мика был принят в аспирантуру Массачусетского технологического института по истории, теории и критике, одну из самых престижных в стране. Но я могла представить, что его свободный год сильно отличался бы от моего собственного.

— Я с радостью поступила бы сразу, — заметила я.

— Просто в наши дни так трудно найти место для изучения Раннего Возрождения, — сказал он. — Наша культура изменилась. Это, конечно, к лучшему.

Я кивнула. Это было проще, чем возражать. В конце концов, это была знакомая фраза.

— Но, тем не менее, нам нужны люди, чтобы продолжать работу прошлых поколений. И это хорошо, когда ты чем-то интересуешься, увлекаешься... — Он откусил еще от одного кубика сыра. — Однако тебе также следует подумать о тенденциях.

Я была из тех людей, для которых тенденции всегда были чем-то непостижимым. К тому времени, когда мне казалось, что я их уловила, они уже ускользали от меня. Меня привлекало в академической среде то, что она казалась мне местом, где я могу быть блаженно свободна от тенденций, где можно обосноваться в какой-то теме и никогда ее не покидать. Линграф издавал книги только о художниках Равенны; ему даже не приходилось забираться в Венецию.

— Сейчас эти вещи имеют значение, — говорил Мика. — Тем более что в пятнадцатом веке не так уж много нового, верно? На данный момент это довольно хорошо изученная территория. Никаких новых открытий. Если только кто-то не попытается переатрибутировать Мазаччо¹

---

¹ М а з а ч ч о (1401-1428) — итальянский живописец, крупнейший мастер флорентийской школы, реформатор живописи эпохи Раннего Возрождения.